

Кудыкина-
2003.-13-19
4095.-с. 11

Нехорошая квартира на двоих

Пермский театр "У моста" в Москве

Пермяки появились в столице с Островским, Югоном, Булгаковым и Ником Садур на излете октября, когда одна критическая волна билась о берега "Балтийского дома", а другая набирала высоту для NET (Нового европейского театра), грядущего в ноябре. Фестивали ныне куда моднее гастролей, хотя гастрольная жизнь потихоньку налаживается. Но пока она налаживалась, театры, кажется, почувствовали вкус к жизни фестивальной. Она совсем другая, эта жизнь. Задача показать себя — лишь одна составляющая фестивального смысла. Другая, не менее значимая, — попасть в обойму. Чем фестиваль прочнее и престижнее, тем дороже место в списке участников. Даже если провалились, если попали случайно, все равно есть чем гордиться. Гастроли же — рандеву, один на один, я показываю — вы смотрите, и никакого "багета", никакого "гарнира".

Пермский муниципальный театр "У моста", руководимый Сергеем Федотовым, имеет здоровое студийное прошлое (начинал в ДК "Мандатом" Эрдмана). Ныне в его афише — пять спектаклей только по Югоно. А еще — Шекспир, Гюльдон, Островский, Достоевский, Уильямс. Есть и Булгаков, причем самое каверзное для театра сочинение — "Мастер и Маргарита". В сценических крутах бытует мнение, что все, что связался однажды с этим представлением, обязательно влетает в цепь мистических злоключений: получают потусторонние телеграммы, теряют голоса, ломают конечности и прочее. Есть, впрочем, в булгаковском романе и другая каверза: чуть не попал в тон, и расце-

Сцена из спектакля "Мастер и Маргарита"

тают на сцене или мощный кич, или сладенькая мелодрама, или развесистое морализаторство.

Сергей Федотов, однако, рискнул. Зал Театра Наций, где проходили га-

строли, был в тот вечер до отказа забит молодежью (случайно ли, из интереса ли к культовому роману?). И пермская версия "Мастера и Маргариты" оказалась именно молодеж-

ной. По духу. По интонации. По легкости обращения с потусторонними силами. По "пяти гудам любви". Это все к вопросу о верном тоне. В каком слое многослойного романа какой

тон верен? Есть любовная линия, есть мистическая, есть библейская, есть сатирическая — и в какой части преуспеть за три часа сценического времени?

Сатирическую часть режиссер убрал, но интонацию удивительным образом сохранил. Она оказалась разлитой в самых неожиданных диалогов не только Берлиоза с Бездомным, не только Воланда с вышешозначенной парочкой, но и Мастера с Бездомным, и Мастера с Маргаритой. Летучая прелесть булгаковского текста легко и органично присвоена актерами, и это — первый плюс федотовской постановки. Второй плюс — ирония по отношению к inferнальным материалам. Не насмешка, а именно ирония, дающая необходимую свободу театральным превращениям. Сценографический минимализм (оформил спектакль тоже С. Федотов) здесь как нельзя кстати. Только Берлиоз (И. Маленюк) развел атеистические речи, а справа тихо открылся черный люк и чуть захлопнулось дымящееся колосники, из которого прошептывал Пилат (А. Курганов), — точь-в-точь архитектурная поделка в парке культуры и отдыха. Повернулся обшарпанным боком — и вот вам похлебенница (они, как известно, до сих пор гнездятся в графских развалинах). Немного алло света, алой материи — и, пожалуйста, бел, а тут же — и мебель из "нехорошей" квартиры. Этот минимализм странным образом работает на объем. Булгаковская мысль о сопредельности миров становится осязаемой и ведет дальше, к Юману с его "немузыкантами", не видящими того, что является "музыкантами".

Еще один плюс — просто и точно играют актеры. Маргарита (С. Безматерных) красива, но при этом и с характером. Мастер (он же Мешуа) — А. Пудов тонок, взнервлен и абсолютно беззащитен. Что самое удивительное, на нынешней сцене эта пара вовсю играет любовь, причем одухотворенную. Абсолютно точны и даже как бы узнаваемы нелепый Коровьев (А. Лепихин), загадочно-опасный Азазелло (М. Юрченко) толстый философ Бегемот (С. Семериков) и Воланд (М. Чуднов) — усталый дядя с острым взглядом.

На этом спектакле настойчиво посещает нас одна мыслешка, не раз, впрочем, и не мне одной приходившая в голову.

"Мастер и Маргарита" — вовсе не эпохальный литературский труд, а пронзительно щемящая история о любви и вере. От таких историй при чтении сладко засирает именно молодое сердце. Все же, что касается материй художника и власти, было да прошло (даи Бог, не временно). Зато есть вечная драма взаимоотношений художника с миром и собственным "я". Есть сила и слабость, поденщина и озарение, суэта и служение. В самом финале, однако, Мастер и Маргарита мирно сидят на диванчике Берлиоза. Неужто "нехорошая квартира"? Похоже на то. Но кто может с точностью утверждать, что любовь и вдохновение даруются только Богом?

Наталья КАМИНСКАЯ

Фото Виталия ВОЛКОМОРОВА